

А. ВСЕВОЛОВА

Воспоминания Дитрихманна

«В сем умереть готов»

Письма Джона Белла,
шотландца, исполняющего
должность врача при русском
посольстве в Персию,
прежде неизданные

Анна Всеволодова

**Воспоминания Дитрихманна.
«В сем умереть готов». Письма
Джона Белла, шотландца,
исполняющего должность врача
при русском посольстве в Персию,
прежде неизданные (сборник)**

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Всеволодова А. В.

Воспоминания Дитрихманна. «В сем умереть готов». Письма Джона Белла, шотландца, исполняющего должность врача при русском посольстве в Персию, прежде неизданные (сборник) / А. В. Всеволодова — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-72-4

«Поэзия останется всегда поэзией и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык», – писал А. С. Пушкин в письме к писателю И. И. Лажечникову в 1835 году. Жив ли еще величайший по богатству образов, самобытности, выразительности родной наш русский язык? Книги Всеволодовой – попытка заявить утвердительно: Россия, ее язык, ее герои, ее душа – бессмертны. Повести и пьеса рассказывают о замечательной личности русского министра А. П. Волынского, намного опередившего свой век и поплатившегося за то головой. Некоторые из его государственных проектов были воплощены такими известными отечественными просветителями, как Ломоносов и Шувалов, другие – пытался осуществить Столыпин, многие – не нашли своего исполнителя и по сию пору. В дни величайших национальных испытаний, на новом историческом перепутье, имя Волынского, «первого русского земца», как метко назвал министра П. В. Полежаев в книге «Бирон и Волынский. 150 лет назад. Исторический роман времен Анны Иоановны», всегда привлекало русскую общественность. Автор постарался придать своим произведениям форму и жанр, характерный для сочинений XVIII столетия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906980-72-4

© Всеволодова А. В., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Воспоминания А. Ф. Дитрихманна	7
I	7
II	12
III	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Всеволодова
Воспоминания Дитрихманна. «В
сем умереть готов». Письма Джона
Белла, шотландца, исполняющего
должность врача при русском посольстве
в Персию, прежде неизданные

©А. Всеволодова, 2018

©Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Воспоминания А. Ф. Дитрихманна

Под редакцией А. В. Всеволодовой

I

Теперь, когда я стал стар, многое представляется мне иначе. Далекие картины начали уже терять свежесть и чистоту своих красок. Образы, носившиеся когда-то передо мною и пересекавшие орбиту жизни, подобно сверкающим метеорам, утратили свой блеск и удалились совершенно с умственного моего небосвода. Все-таки я не ошибусь, предположив, что к тому моменту, когда глаза мои сомкнутся и затворятся ото всех видимых образов, некоторые из них останутся, чтобы не покидать меня в последнем пути. Из того, что мысли мои все чаще устремляются к сим лицам, заключаю, что момент, в который мне потребуется все их участие, не далек, а потому поспешу рассказать то, о чем намеревался.

С чего мне начать? Я не сочинитель, и мысли мои разбегаются, как скоро хочу я выразить их пером. Но стану воспоминать и записывать, как сумею.

Я уже объявил, что никогда не был сочинителем, а потому будет уместным добавить каков род моих занятий.

Несколько поколений моих предков посвятили себя медицинскому поприщу. Известный некогда член медицинской канцелярии фон Дегульст состоял с моей семьей в дальнем родстве и помог моему отцу, тоже доктору, устроиться на службу при дворе императрицы Анны. Воля отца, обстоятельства и собственная охота согласно направляли меня к той же цели, я избрал медицину родом своей деятельности, будучи еще отроком. По окончании слушаний общего курса Славяно-греко-латинской академии, я среди прочих студентов-медиков, держал экзамен на звание доктора. В присутствии таких знаменитостей как Николай Бидлоо и Павел Захарович Кондоди, бывших нашими экзаменаторами, я провел четыре операции.

В том числе успешно совершил литотомию – иссечение камня из почки. Действовал я, руководствуясь наставлениями Чизлдена, английского врача, которому одному из первых удалась эта операция. По единодушному мнению комиссии я выдержал испытание «изрядно».

Если читатель сколько-нибудь знаком с медициной, то по одному тому, что студенту предложили произвести литотомию (даже пусть только на трупе) он может судить о том сколько я достиг в своем искусстве. Кроме того, от природы я был очень ловок, и, хотя никогда не был ни умником, ни красавцем, к тридцати годам сумел прослыть и тем и другим. Первое удалось мне благодаря искусству входить в доверие к любому лицу, а также молчать, когда того требовали обстоятельства. Второе – благодаря крепкому сложению и бархатным широким бровям, которые у русских называются «соболиными» и служат верным признаком решительного нрава.

Прибавьте к этому изящную важность обращения, с детства перенятую мною у русских вельмож и прекрасное, по моему положению, образование, и вы поймете, что в своем кругу я был достаточно заметною особой.

Некоторые, знавшие меня в ту пору, полагали, что я много мог достигнуть в военной службе. Другие говорили, что природные мои способности, родись я только в более высоком звании, позволяли мне испробовать жребий политика и дипломата. Сам же я был убежден, что мог украсить собою любое поприще.

* * *

Однажды поутру матушка с озабоченным лицом объявила, что у нее до меня есть дело.

– Готов служить вам, – отвечал я со всегдашней своей любезностью, прежде чем узнал в чем состоит оно.

Надо сказать, матушка, несмотря на то, что отец ее был простым русским лавочником и не мог дать дочери никакого сколько-нибудь приличного образования, была дамою весьма разумной и дельной. Мне было хорошо известно, что она не потребовала бы ни от меня, ни от отца ничего выходящего за пределы интересов семьи и упрочению нашего положения.

– Благодарю тебя, мой друг, – продолжала матушка, присаживаясь рядом со мной.

– Вчера виделась я с Натальей Гавриловной, и она со слезами просила меня о сестре своей Прасковье Гавриловне. Она давно больна, но еще никогда не обращалась к доктору, сколько-нибудь знающему свое дело. Муж ее скуп до крайности и пользуется супругу искусством приятеля своего – цирюльника и обилием тяжелой, нездоровой пищи до которой сам большой охотник. Ты знаешь скольким обязаны мы нашему благодетелю, супруге которого приходится Наталья Гавриловна близкой родней. Я не могу сделать ей неприятность.

Я очень понимал, что отказать Наталье Гавриловне было не только не любезно, но грубо и дерзко. Было бы делом черной неблагодарности пренебречь всеми услугами, которые были оказаны моему отцу нашим благодетелем Блюментростом. Будучи вдохновителем и директором Медицинской канцелярии сей ученый муж отдал не мало энергии делу примирения и объединения представителей немецкой и русской партий в своем заведении. Чтобы сколько возможно умерить пыл честолюбивых соперников он специально ввел должности двух секретарей канцелярии— русского и немецкого. Для отца моего, поистине, было счастьем пользоваться доверием такого человека. Протекции Блюментроста были обязаны мы полученным отцом правом пользоваться Эрнеста Бирона. Вторым, равным по значимости моему отцу медиком, был Карл Рейнхольд. Этот иногда бывал зван на совет самими Фишером и Сханцем, пользовавшимися государыню и первых лиц двора.

– Итак, вы посылаете меня к сестре Натальи Гавриловны, несмотря на скупость ее супруга? – спросил я, зная, что матушка не любит приказывать, и ей приятнее будет ответить на мои предположения, нежели прямо объявить свою волю.

– Что делать, мой друг? Наталья Гавриловна умоляла меня именем нашего благодетеля. Кроме того, она уверила меня, что, если только больная получит облегчение от болезни, а сама она – облегчение от слез и тоски, муж ее готов будет на издержки, которые должен был бы понести скупой супруг сестры ее. Задержись, если потребуется, в их семействе. Этим окажешь ты большое утешение мне и Наталье Гавриловне, а себе доставишь немалую пользу. Ведь Прасковья Гавриловна больна не на шутку, и если Бог поможет тебе, ты упрочишь свое имя, которое уже мало уступает в известности имени твоего отца.

– Что ж, матушка. Вы как всегда правы, – отвечал я, – далеко ли мне ехать?

Оказалось, что семейство Прасковьи Гавриловны приживает в селе Бугурасово в семидесяти верстах от столицы, и состоит из супругов и одной дочери, тоже нездоровой после несчастного происшествия дорогой, когда экипаж перевернулся при спуске с холма и придавил ребенка.

Путешествие в Бугурасово проделал я без каких-либо задержек и поздно вечером, когда дом уже спал, прибыл в усадьбу. Слуга провел меня в отведенную комнату, опрятную и просторную, но лишенную каких-либо претензий на изящество убранства. Я устал с дороги и, стремясь размять онемевшие члены, решил пройтись по саду прежде, чем лягу спать.

Скоро начал накрапывать дождик. Тщетно искал я укрыться от него под сенью липовых и дубовых аллей. Их нигде не было видно, и через четверть часа поисков, которые я предпринял

в разные направления не слишком удаляясь от дома, мне пришлось убедиться, что садом здесь называли огород очень обширных размеров, весь почти засаженный капустою с смородиновыми кустами. Осматривать его я не чувствовал никакой охоты, вернулся в дом и лег спать.

Наутро, поднявшись по обыкновению своему рано, узнал я, что хозяева еще почивают и снова вышел прогуляться. При солнечном свете мое невыгодное впечатление от усадьбы не изменилось. Напрасно мой взгляд искал утешения на каких-нибудь живописных беседках, подстриженных кустарниках, симметричных дорожках, усыпанных толченым красным кирпичом. Ни этих, ни каких иных доказательств отдаваемой хозяином дани прекрасному и изящному нигде не мог я обнаружить. Везде чувствовалась тяжелая рука собственника зажиточного, умеющего извлекать доход из всякой безделицы, или еще вернее будет сказать – умеющего не делать никакого лишнего расхода.

Конец сада или огорода обнесен был высоким, в человеческий рост крепким забором, составленным из обтесанных бревен. За ним видны были барские и крестьянские пашни, сейчас уже сжатые, потому что лето было на исходе. Постояв немного у этой преграды и полюбовавшись восходящим солнечным диском, я рассудил, что, вернувшись застаю хозяев бодрствующими, и повернул обратно. Я не ошибся, застав все семейство за утренним чаем, которого и меня просили откусать.

Хозяин дома звался Ефремом Трофимычем, и оказался грузным человеком пятидесяти лет, одетым в точно такой же кафтан, какой носил мой человек. Естественно, я предполагал, что супруга его будет под стать своему мужу, а потому был удивлен, найдя ее дамою одних лет со мною, и казавшуюся еще моложе, до того она была тщедушна, и так постоянно робела, безо всякой причины. За столом также познакомился я с кузиной Ефрема Трофимыча, незамужней девицей лет сорока, имеющей много общего со своим братом, и с Марьей Ефремовной или просто Марьюшкой. Это была претолстая, неуклюжая, хромая девица четырнадцати лет, обладавшая весьма смешливым нравом.

Мне было предложено понаблюдать ход болезни хозяйки и назначить лечение. Я наблюдал неделю и пришел к следующим выводам:

Прасковья Гавриловна больна была чахоткою не первый год и болезнь развивалась. Больная имела от природы мало жизненных соков, кроме того она постоянно терзалась, видя убожество своей дочери, опасаясь за ее судьбу, и находилась под тяжестью разного рода страхов и печалей, происходивших от пренебрежения Ефремом Трофимычем интересов ее. Последний отдал явное предпочтение своим привычкам, совпадающим со вкусами его кузины, которая гостила в доме непрерывно и более походила на хозяйку, чем Прасковья Гавриловна.

Ввиду всего этого, но разумеется не касаясь темы отношений внутри семьи, я высказал Ефрему Трофимычу свои соображения и посоветовал полную смену обстановки для больной.

– На Старой Руссе из-под земли бьют целебные источники, кои многим больным пользу приносили и были бы хороши как для Прасковьи Гавриловны, так и для Марьи Ефремовны.

– Что вы, сударь? – возразил мне хозяин с живостью, – где же найти мне время ехать? Легко сказать! А хозяйство на кого покинуть? Народ то ведь вор.

– Если дела ваши в самом деле не позволяют покинуть имения, то хотя измените свой стол и порядок дня. Больной нужна легкая, но очень питательная пища и усиленное движение.

– Более питательной пищи, чем подается к столу, я придумать не могу. Сами изволите видеть – что ни день, то свинина, то баранина, даже в постное время скоромимся.

– Ни то, ни другое супруге вашей не подходит. Завтра же распорядитесь прислать из города французских булок. Птицу можно достать и здесь, если у вас имеется хороший стрелок, и охотник. Смородиновый сок, соединенный со сливками только что снятыми, тоже в состоянии ваш человек изготовить. Только все эти блюда не однажды употребляться должны, а постоянно.

– Вы, сударь, видно привыкли жить в столице. А у меня лишних людей в доме нет. Одного, изволите говорить, человека надобно послать стрелять цесарок, другого – кушанья заморские стряпать. В поле то, сударь, кто же останется? Сейчас и урожай подоспел немалый.

– Я только исполняю свое дело, Ефрем Трофимович. Приказывать вам не могу, а известить – обязан. Супруге вашей предстоящая зима может стать не по силам.

– Это уж вам лучше знать. Вы – лекарь. Отчего же не лечить, если хворь приключилась. Я ведь не на то закон принял, чтобы от хворой жены откидываться. Коли возьмете недорого, то движением лечить согласен. Только двигаться должна Прасковья Гавриловна, а люди мои не в города за булочками скакать, ни по лугам с дробовиком бегать не станут.

Помня желание матушки, я принудил себя остаться в усадьбе, обитатели которой были мне противны, домашние порядки – скучны и отвратительны, возможности к проведению необходимых для больной мер – ограничены.

Скоро познакомился я с двумя соседями – помещиками. Один из них оказался человеком просвещенным, какого я не мог надеяться встретить в провинциальной глуши, и какого не часто родит столица, ибо он достоинства ума соединял с прекрасным сердцем и беспорочною простотою привычек. Он был благообразный красивый старик на вид годов около шестидесяти, если только человек таких лет, и у которого один рукав пустой и набит ватой, а глаз вытек и завязан платком, все-таки может назваться красавцем. Он был морским офицером, образование свое получил в Англии, где провел первые годы службы под знаменем короля Георга.

Недавно вернувшись из русской экспедиции в Америку, он обосновался бобылем в своем доме. Последний более походил на хутор, чем на усадьбу – достойное владение, чтобы посреди пустыни закончить свой век. О себе сосед мой говорить не любил, но я слышал стороной его печальную историю.

Он происходил из небогатого, боярского рода, пережившего несколько опал и почти угасшего. Один из последних потомков его участвовал в стрелецком бунте и был обезглавлен в Москве. Сосед мой родился несколькими годами ранее казни отца, и провел горькое детство, постоянно скрываемый уцелевшими опальными. Какой-то благодетель сумел среди прочих дворянских детей отправить несчастного сироту изучать морское дело в Англию. Мы сошлись очень быстро, как это часто бывает с двумя образованными людьми, встретившимися в кругу невежд. Впрочем, в Прасковье Гавриловне, несмотря на полное отсутствие просвещения и недостаток ума, я нашел женщину скромную, тихую и не совсем лишенную поэтичности. Так, например, бродя по мокрому огороду, она могла находить прелесть в висевшем на смородиновых листьях дождевых каплях, и называла его «очарованным садом». Я думал было развить эту сторону ее натуры декламациями Буало, которыми очень сам увлекался. Однако слушательница моя была так неразвита в умственном отношении и так робела, боясь выказать этот недостаток, что от стихов не вышло никакого проку и я забросил это занятие.

Забываясь, чтобы Прасковья Гавриловна как можно долее проводила времени вне дома, который и на здорового человека, мог нагнать тоску, я старался приучить ее к верховой езде. Занятия эти давались с большим трудом, потому что трусливость очень мешала Прасковье Гавриловне, но терпением и настойчивостью я принудил ее ежедневно проезжать на старенькой и смирной лошадке несколько верст. Напрасно проносился я мимо пугливой наездницы на норовистом своем коне, ни уговоры, ни собственный пример не могли принудить Прасковью Гавриловну перейти на рысь. С суеверным ужасом глядела она на моего огромного коня, боясь даже приблизиться к нему, и умоляла о том же Марьюшку, которая несмотря на неуклюжесть и хромоту ловко и быстро освоилась со своею лошадкой и скакала на ней целыми днями.

Я заметил зависимость между состоянием здоровья Прасковьи Гавриловны и ее дочери. Нездоровье последней терзало ее мать гораздо сильнее, чем ее самое, и я принял все возможные меры к лечению Марьюшки. Собственноручно смастерил я для девочки некое подобие жесткого чулка из гладко обструганных досочек, натирал ее больную ногу разогретым мура-

вынным соком каждый вечер докрасна, после чего тотчас заключал ее в этот чулок на всю ночь. Мне и матери процедура эта стоила большого труда, потому что пациентка была с норовом и не вдруг позволяла себя лечить.

Наконец увидал я с торжеством первые признаки перелома в ходе болезни. Лихорадочный блеск в глазах Прасковьи Гавриловны сменился покойным выражением, кашель все реже ее терзал. Мне было очень досадно, что никто в доме не выражал радости о здоровье хозяйки, которую я объявил вне опасности, и не изъявлял мне никакой благодарности.

Я должен был увериться, что успех мой не кратковременная удача и подготовить Прасковью Гавриловну к предстоящей зиме, сколько это было в силах человеческих.

Поэтому, видя несомненное облегчение от болезни, приготовился я дать Прасковье Гавриловне решающее средство. Оно составлено было из настоянных личинок домашних мотыльков, поедающих обыкновенно наши сукна и меха. Во всю жизнь я не мог без сожаления примириться с истреблением этих полезнейших насекомых, хотя необходимом, но бесчеловечным и жестоким по отношению к тварям, детеныши коих нередко спасали больного от смерти или отдаляли ону на более или менее продолжительный срок.

Я уже говорил, что свел знакомство с двумя нашими соседями, один из которых был морским офицером. Вторым, нередко гостившим у нас соседом был мелкопоместный дворянин Анищев, молодой человек несколькими годами младше меня. Сначала я был очень обрадован знакомству с ним и предполагал, что наша дружба умерит скуку постылого Бугурасова, но скоро убедился, что Анищев скорее подходит в товарищи Марьюшке, чем мне. Интересы молодого дворянина не простирались далее травли русаков, а познания ограничивались здравыми рассуждениями о достоинстве жеребца. Эти двое гостей, если не считать семейства Ефрема Трофимовича, и составляли все мое общество. За обедом старался я развлечься приятными разговорами, а также недавно начатою мной забавой ухаживания за Прасковьей Гавриловной. Подражая придворным, у которых имел я счастливый талант перенять очень многое, я выдумывал такие тонкие способы намекать своей даме о моих нежных чувствах, что ни Анищев, ни Ефрем Трофимович совершенно ничего не примечали. Бедная Прасковья Гавриловна не умела ответить на мои любезности ни шутивым гневом, ни шутивой благосклонностью, принимала их всерьез и по обыкновению своему пугалась. Замешательством ее забавляясь, я смеялся до слез, к недоумению прочих сотрапезников. Старый офицер видел отлично мои маневры и не раз с явным неодобрением смотрел в мою сторону.

Однажды, когда мы по уходе дам, остались за столом вдвоем, чтобы по вывезенному из Англии обычаю распить початую бутылку, он произнес с важностью:

– Я давно собирался попотчевать вас одной историей. Не желаете ли вы выслушать ее теперь?

– Ваши рассказы сделают мне всегдашнее удовольствие, – отвечал я и приготовился слушать.

II

Я нисколько не льстил своему гостю этим замечанием, ибо в отличии от огромного большинства старых вояк, мой сосед не увлекался ни рассуждениями о тактике военных приготовлений, ни преувеличенными рассказами о кровавых баталиях. С неизменным своим тактом, он всегда помнил, что собеседник его не является участником подобных событий, подробности которых ему могут быть весьма скучны. Со своей стороны, я очень ценил это свидетельство любезности моего друга и платил ему тем же – то есть избегал утомлять его чрезмерным посвящением в секреты моего искусства.

– Во время моего учения и службы в Англии, – начал старик, – был я знаком с одним молодым человеком, моим соотечественником, который также изучал морское дело. Среди нас, молодых мичманов, выделялся он как своей наружностью, так и нравом, ибо то и другое делало его весьма похожим на девицу. Надо отдать ему должное, не мало красавиц позавидовало бы овалу его лица, чудесным русым волосам с редким отливом пепельного цвета, который позволял не посыпать их пудрой, прекрасным глазам, всегда грустным и задумчивым. Впрочем, сам он был самого неблагоприятного мнения о своей наружности и с удовольствием променял бы ее на крепко сколоченные фигуры своих товарищей. Учился он не хуже других, видно было только, что в морское дело отдан он был не своею волею. Зато музыку он и исполнял, и писал с большой охотой, и дня не проходило, чтобы он не держал в руках флейты или не сидел за клавином. Звался он, как и я Алексеем. Грубые или жестокие нравы английских моряков вызывали в нем отвращение. В проказах наших и попойках он никогда не принимал участия, и, наверное, если б только осмелился, постарался бы и нас от них удержать. Все мы отказывали ему в дружбе, считая белоручкой, девчонкой и трусом, что делало его жизнь в учении не слишком сладкой. На борту же военного судна она стала еще несноснее. Вверенные его команде матросы, поняв с кем имеют дело, оскорбляли его кто как умел. Старшие офицеры не оказывали ему даже того снисходительного покровительства, которое часто и поддерживает, и задевает молодых мичманов. Скажу кратко, что сей молодой человек доведен был до такой крайности, что даже посягнул на свою жизнь, о чем расскажу в своем месте.

Корабль, на котором я нес службу назывался «Эдгар» по имени сына его капитана и владельца лорда N. По причинам, которые станут вам вскоре ясны, я стану так именовать своего капитана.

– Вы можете не опасаться моей нескромности, – заметил я, – ведь я не знаю и, вероятно, никогда не узнаю ни одного знатного лица Англии.

Рассказчик оставил мои слова без внимания и продолжил:

– «Эдгар» представлял собой линейный 54-пушечный корабль, шедший в Джеймстаун и конвоировавший судно водоизмещением в 2000 тонн с грузом черных рабов для наших колоний.

Лорд N был в сопровождении своей семьи, состоявшей из Леди N и единственного сына Эдгара, мальчика 13 лет. Фортом Джеймс, куда мы направлялись, командовал дядя леди N, родной брат очень известного в Англии адмирала, воевавшего вместе с Джоном Норрисом за испанское наследство. Для леди N путешествие в Америку было далеко не первым знакомством с морем, ибо она часто сопровождала своего отца, в том числе и в Мериленд, где обосновались в то время английские католики, к которым принадлежала ее семья. Отец леди N много усилий прикладывал к тому, чтобы сколь возможно улучшить положение колонизаторов и несколько раз совершил рейды до Чесапийской бухты, конвоируя корабли, груженные табаком.

– Опишите мне лорда N, сударь, ибо я очень мало знаю англичан, а знакомства не свел ни с одним из них. Однажды только пользовал купца Робинсона и видел посланника Витворта.

– Постараюсь исполнить ваше желание, хотя мне не просто увидеть его теперь таким, каким я увидал впервые, когда взошел на корабль.

Лорд N был статным, высоким человеком лет около 36-ти или 37-ми. Не могу сказать, чтобы он был некрасив, или не умен, или не любезен, но очень скоро я почувствовал, что ему много не достаёт до истинного дворянина. Впрочем, не хочу судить о нем и предоставляю вам самому составить мнение о его светлости. Отдам ему справедливость – он был храбрым и очень разумным солдатом, но все же когда его внушительная фигура, в роскошном мундире величественно опираясь на капитанскую трость вырисовывалась на корме, я не мог отделаться от впечатления, что вижу переодетого старшину. Но довольно о лорде N. Сэр Эдгар обещал стать таким же сильным и здоровым, как его отец и на протяжении путешествия обучался всему относящемуся к управлению кораблем вместе с мичманами.

Вторым человеком после капитана был командор, старший лейтенант Беренсдорф, родственник статс-секретаря короля Георга. В его подчинении было еще трое лейтенантов, среди них сын адмирала Роберта Блейка, Филипп – с которым я впоследствии очень сдружился. Не стану, чтобы не утомлять вас, представлять сейчас баталера, доктора, капеллана, парусных и оружейных мастеров капитана морской пехоты, руководящего нашим абордажным отрядом, скажу только, что всего нас было около 100 человек и многие как из офицеров, так и из команды плавали еще с отцом леди N. Это обстоятельство имеет очень большое значение для моего рассказа, ибо поскольку на борту находилось значительное число преданных ей людей, и поскольку она унаследовала от отца ум и волю в мере, превосходящей ту, какая обычно бывает отпущена ее полу, супруга лорда N занимала положение более значительное, чем скромная роль путешественницы. Леди N неплохо разбиралась во всем, имеющем касательство к управлению военным судном и хотя никогда прямо не обнаруживала своей осведомленности, а тем более, одобрения или порицания действиям капитана, последний несомненно тяготился ее авторитетом.

Возможно, по этой причине, а может и по иной, лорд N был менее внимателен к ней, чем было бы желательно для наших офицеров, так как они лишались возможности приносить жене своего капитана те невинные знаки уважения и любезности, какие обычно сопровождают путешествующую при подобных обстоятельствах знатную даму. Будучи младшим офицером, я не бывал приглашен обедать с капитаном, но не раз слышал обрывки разговоров Беренсдорфа со старшими офицерами, из которых мог заключить об их досаде на то, что ревнивый нрав лорда N, не дает им никакой возможности получить удовольствие от остроумия его супруги. Говорили, что капитан считает будто обед подается только за тем, чтобы его съели и разошлись, что леди N должна два раза повторить свое желание послушать клавесина, прежде чем оно будет выполнено, что будто бы капитан был сердит на свою супругу оттого только, что она выказала слишком много радости по поводу известия об исцелении нашего старика – капеллана от приступа ревматизма и тому подобное. Со своей стороны, леди N выказывала супругу столько высокомерия, сколько мне еще ни в ком не приходилось видеть.

Старый Уолтор, бывший вестовым адмирала, в пору его производства в лейтенанты, рассказывал и не без сочувствия к леди N, что ей не было еще 17 лет, когда адмирал приглашал ее высказаться перед старшими офицерами по какому-нибудь вопросу, имеющему касательство до достоинств испанского галеона, и только для того, чтобы заставить всех полюбоваться оригинальными замечаниями и румянцем, который вспыхивал на ее лице, от удовольствия при этих знаках внимания и уважения отца.

Я говорил уже, что сэр Эдгар принимал участие во многих наших занятиях, и под руководством штурмана, и в команде уорена. Последние давались ему непросто, особенно потому, что леди N полагала в способности поставить булины или бегать по марселю одно из достоинств необходимых для внука известного адмирала, и следила за его успехами. Однажды во время установки лиселей, сэру Эдгару предложено было взобраться на грот-мачту в сопровождении

двух мичманов – моего друга и другого нашего соотечественника Куракина. День выдался ветреный, рангоуты, при особенно сильных его порывах, издавали режущий нервы звук, подобный крику птиц морских. Всем нам очень понятен был испуг сэра Эдгара, побелевшего как мел, при виде шатающейся стеньги, когда он, запрокинув голову, старался разглядеть снасти, по которым должен был подниматься. Напрасно офицер-уорент уговаривал его подчиниться приказу, уверяя, что исполнение одного страшным кажется только для стоящих на палубе и как скоро начнется его выполнение, страх рассеиваться будет. Напрасно вперед были посланы оба мичмана. Фигуры их казались не более дюйма, а сэр Эдгар все не мог заставить себя двигаться. Леди N давно уже с заметным волнением следила за ним, стараясь сдержать свой гнев, но, когда в голосе сэра Эдгара послышались слезы, румянец стыда вспыхнул у нее на лице и она быстрыми шагами приблизилась к сыну.

– Вы боитесь, сэр? – воскликнула она с выражением неизъяснимого презрения.

Подобные сцены случались не редко и делали путешествие сэра Эдгара и его матери не таким приятным, каким оно могло быть, обладай он большим мужеством или она – меньшим честолюбием причастным каковому непременно желала видеть сына.

– Вы очень заинтересовали меня своим рассказом о леди N. Была ли ее красота столь же изрядною, как прочие ее свойства?

Вопрос мой заставил рассказчика на минуту задуматься.

– Видите ли, сударь, – заметил он, – все зависит от того, чьими глазами вы желаете воспользоваться. Если это будут глаза нашего капитана, то они не увидят ничего кроме общедоступных наблюдений, из которых явствует, что супруга его, есть дама одних с ним лет, с правильными чертами лица, среднего роста, но кажущаяся высокой из-за своей необычайно прямой осанки. Те качества, которые придавали пленительность образу ее оставались вне его понимания. Гордый поворот головы, царственный взор человека, вполне собой владеющего, сочетание мягкости и властности, задумчивости и энергии, придавали леди N очарование, необыкновенно привлекательное для всякого сколько-нибудь причастного ее душевным свойствам. Так ли важен при этом цвет глаз? Ежели вам то знать надобно, открою, что он был синим.

Но будь он черным или голубым, это ничего бы не отняло и прибавило к красоте леди N.

– Которая, разумею, по словам вашим, и по сию пору вам памятна.

– Я постарался нарисовать вам портрет леди N таким, каким сделал бы его мой товарищ, к которому нам пора вернуться. Вскоре стали мы замечать удивительную перемену, происшедшую в нем. Лишения морской службы переносил он с необыкновенной для своих лет и сложения легкостью, а потребности во сне и пище, казалось не испытывал вовсе. Все что требовалось от него по роду занятий выполнял он с механической точностью, как бы поглощенный внутренней деятельностью, более важной, чем все его окружающее. По той же причине, он сделался совершенно неуязвим ни для насмешек, ни для похвал, даже с трудом замечал их. Поэтому первые скоро совершенно умолкли, а последние все чаще начали раздаваться.

– Открыл он вам причину сей метаморфозы?

– С полной откровенностью друг мой признался, что жестокость товарищей и собственная уязвленная гордость толкнули его к мысли положить конец своему несчастью. Он стоял уже на палубе с ядром в руках, когда заметил, что одиночество его последних минут нарушено леди N.

Первым движением его было тотчас же переброситься через борт, пока ему не помешали, но как это всегда бывает в подобных случаях, надежда, что Бог пошлет какой-то чудесный знак, призывающий его к жизни, которая не оставляет самоубийцу до последней минуты, возобладала. Он хотел было принять вид человека, любующегося красотой морского пейзажа, потому что час был ранний и, подымавшееся как будто из морских пучин солнце, окрашивало воду и небо в великолепные пурпурные цвета, но по первым, обращенным к нему словам леди N

понял, что нисколько ее не обманул. В течении следующих нескольких минут ему пришлось услышать столько похвал своим достоинствам, сколько он не слышал за все свои двадцать лет.

– Вы очень добры ко мне, ваша светлость, – отвечал он, как скоро смог справиться со смущением, – благодарю вас за удивительные слова, которые мне довелось услышать и которыми вы хотите меня поддержать.

– Сэр, – живо возразила ему леди N, – я произнесла все эти, как вы выразились «удивительные слова» вовсе не из желания вас поддержать, а потому только, что это чистейшая правда. Я вижу ее столь же отчетливо, как видел ее мой отец, который, поверьте, умел отличать людей чести, достойных его покровительства, от всех прочих. Все, что вы от меня слышали мог сказать о вас и он, слово в слово, и я не нахожу в этом ничего удивительного. Достоинство удивления, скорее то обстоятельство, что вам впервые пришлось познакомиться с признанием ваших высоких достоинств. Впрочем, не сомневаюсь, в самое непродолжительное время вы получите столько подтверждений моей правоты, что перестанете удивляться.

Леди N говорила еще несколько времени в том же роде и отпустила мичмана только взяв с него клятву ни при каких обстоятельствах, не повторять страшного опыта, какому ей пришлось стать свидетельницей. Клятву эту, мой друг, дал очень охотно, потому что беседа с супругой лорда N была весьма упоительна для его самолюбия и послужила неиссякаемым источником для чувств и стремлений, о которых прежде он не имел ни малейшего понятия.

Надо ли говорить, что описанное мною происшествие роковым образом повлияло на мечтательного и одинокого посреди своих товарищей, молодого человека? Достаточно, я полагаю, будет сказать, что грозные штормовые валы не так иногда сокрушают и швыряют легкое суденышко, как те волны, что захлестывают человеческую душу.

Впервые столкнувшись с этою непогодой, мой товарищ не умел ей противостоять и в самое непродолжительное время оказался совершенно во власти сих жестоких стихий. Не будет преувеличением, если я добавлю, что без благотворного действия свежего воздуха, беспрерывной смены занятий и усиленного движения, любовь, вспыхнувшая в сердце моего друга, могла его уморить в прямом смысле слова.

– В его годах подобные случаи не столь уж редки, – заметил я, – знавал я пациентов, напоминающих вашего больного. Перечисленные вами лекарства: свежий воздух, движение и смена занятий – очень верные средства.

– Мой друг имел их с избытком, и, хотя исцеления не получил, научился вскоре жить в новом для себя состоянии, как человек, потерявший ногу, научается ходить с костылем.

– Очень меткое сравнение. Но я жалею вашего робкого друга, и если б мне случилось быть на вашем месте, я посоветовал бы ему не загонять болезнь столь глубоко, а при первых признаках недуга, открыть свое нездоровье леди N, в надежде получить решительное средство, чтобы исцелиться совершенно.

– Мой друг, напротив, стремился скрыть свое нездоровье от леди N и, надеюсь, ему это вполне удавалось.

– Его желание противно голосу природы и для меня непонятно. Разве их встреча не является доказательством внимания леди N к вашему другу? Разумею впечатление, что друг ваш произвел на нее. Вы пересказали мне слова преданного ей Уолтера, но ужели вы полагаете, что он не доносил ей обо всем, имеющем касательство, до отношений в команде? Конечно, леди N не могла знать часа рокового события, и тут я готов признать роль провидения, но то, что она искала случая переговорить с вашим другом, для меня очевидно.

– Вы ошибаетесь, сударь, уверяю вас, – отвечал старик очень серьезно, – никакие иные чувства кроме простого человеколюбия, не руководили поступком леди N.

– Ужели друг ваш смог отказаться от желания повторить встречу, столь ему памятную, и не сделал к этому никакой попытки?

– Вы бы польстили ему, если б остались при таком убеждении, но я не могу ответить на вопрос ваш утвердительно. Справедливости ради замечу, что друг мой никогда не предпринял бы шагов к новой встрече с леди N, если бы не повод.

Им послужил найденный батистовый платок с инициалом, включающим букву «Э». Некоторое время колебался он между желанием оставить платок у себя или вернуть его законной владелице. Не трудно догадаться, что возможность воспользоваться предложением для нового разговора возобладала над всеми доводами, и выбрав подходящий момент, он представил свою находку леди N.

– Как, сэр, вы не захотели оставить его у себя? – отвечала она с той насмешливой манерой, которая отличала ее остроумие, – какие странные настали времена – мои офицеры не желают иметь моих чудесных платков. Впрочем, погодите, – добавила она, расправляя и разглядывая батист, – это платок моего сына. Буква «Э» означает не Элизабет, а Эдгар. Взгляните, как выглядят инициалы на собственном моем платке, и не путайте их больше с платками сэра Эдгара. Но я, право, была бы очень удивлена, если бы на корабле действительно был найден мой платок, потому что от роду ничего не теряла. Не знаю согласитесь вы со мною или нет, но я почитаю талант не терять платки столь глубоко, что прошу передать моему сыну вашу находку, вместе с приказанием повесить ее на свой мундир и проходить с этим знаком отличия до конца сегодняшнего дня.

– Если ваша светлость возложит на меня обязанность объявить сэру Эдгару столь суровое приказание, я рискую навсегда утратить его расположение, – возразил мой друг, стараясь попасть в той своей собеседницы.

Леди N улыбнулась.

– Теперь, сэр, вы сами можете убедиться, насколько я была права в тот день, в который перечислила вам некоторые из отличающих вас достоинств. Дальновидность, с которой вы стремитесь избежать неудовольствия будущего лорда N, показывает, что ему бесполезно будет узнать короче человека столько дельного и предусмотрительного. Откажитесь ли вы вторично от моего поручения, если оно будет состоять в том, чтобы вы обучали сэра Эдгара музыкальному искусству, в котором, если верить слухам, очень преуспели?

Таким образом, мой друг оказался учителем сэра Эдгара и частым гостем капитанской каюты.

Впервые придя на урок свой, он был смущен приемом, оказанным ему лордом N, который не поднимаясь с кресел, ответил на его поклон едва заметным кивком головы, продолжая разговаривать со своей «красавицей», как он называл ручную куницу, угощавшуюся из его рук вареными яйцами. Зверек этот всегда сопровождал в морские путешествия семейство капитана, ибо супруга последнего, хотя никогда не видала крыс, знала об существовании омерзительных этих тварей в корабельных трюмах и желала иметь защитника на случай встречи с ними.

Попав в общество старших офицеров, мой друг сумел не вызвать их неудовольствия, во-первых, потому что леди N старалась поддержать его и действовала очень умело, во-вторых, потому что музыкальность его была развита гораздо сильнее, чем это обычно бывает, и получив возможность ее выказать, он очень легко привлек к себе всеобщую симпатию. Особенно это касалось Филиппа Блейка, который будучи большим любителем игры на флейте не мог без восторга слышать, как чутко вторит ей клавесин и в какие роскошные рамы, по собственному его выражению, облекает скромные его картины иностранный мичман. Капитан сам играл неплохо, и хотя не был таким страстным поклонником искусства, каким был Блейк, но не раз охотно исполнял с обоими молодыми людьми «Альмиру», любимую оперу Курфюстра Гановера и леди N. Последняя видела «Альмиру» и ее автора будучи однажды в Венеции с отцом, который прибыл в сей волшебный город в свите посланника герцога Манчестерского.

Город, его оперы и концерты при лодочных катаниях произвели на леди N огромное впечатление, и она часто возвращалась в разговорах к этой теме. Между прочим, со свойственной ей иронией она признавалась, что мечтала сама петь и очень серьезно умоляла отца оставить ее в Венеции, с тем, чтобы выучиться этому искусству. Сохранив свою страсть к опере, леди N могла бесконечно слушать Клавелли «Александр, победитель самого себя», «Муция Сцеволу» или «Ксеркса» Бонончини, хотя музыкантам «Эдгара» не имевшим скрипок, не удавалось в полной мере добиться нужного звучания. Лучше всего выходило либретто кардинала Бенедетто Панфили к недавно поставленной опере «Триумф Времени и Разочарования». Красота, Наслаждение, Время и Прозрение были представлены соответственно моим другом, Блейком, Капитаном и Берендорфом.

Canita brina	Сорви розу, но не трогай шипы:
Per mano ascosa	Ты еще найдешь свою боль
Giungera quando	Незаметно тронет иней
Nol crede il cor	Цветок твоей жизни

Обращалось Наслаждение к Красоте, но благодаря помощи Времени и Прозрения, той удавалось разглядеть всю тщету удовольствия и устремиться к чистому прославлению Творца, подлинный и прекрасный лик которого отображен Натурою:

Никогда прежде древесная сень
Не была мне милее, сладостнее и нежнее.

Заканчивала Красота спор между желающими привлечь ее на свою сторону противниками и несколькими выразительными аккордами опускала занавес над несуществующей сценой.

В отличие от римской постановки, наш импровизированный «Триумф Времени и Разочарования» имел огромный успех, как у семейства капитана, так и у всех старших офицеров, бывших в числе зрителей. Один Берендорф пенял иногда на новую музыку, которая очень удалась от понимания Платонова, в котором наиболее ценным является слово, затем ритм и лишь потом звук, а не наоборот.

Что касается музыкальных успехов сэра Эдгара, то они оставались очень невелики, так как желание приобрести умение в игре на инструментах, принадлежало не ему, а только его матери.

Между тем корабль наш подходил к Тенерифе. В те годы, сударь, еще памятно было время, когда остров переходил из рук в руки и испанцы не всегда с безопасностью могли считать окружающие его воды своею собственностью. Корабли, идущие в новый свет, обычно останавливались здесь. Нам тоже требовалось добавить некоторых запасов на транспорт, который мы конвоировали.

Командор Берендорф готовился сойти на берег, чтобы отдать дань уважения губернатору и присоединить к нашей команде нотариуса, нанятого для изготовления всех бумаг, необходимых при ведении дел с испанцами, ибо дела эти далеко не всегда имели военный характер.

Мы встали на якорь напротив Канделарии, городе обязанном своей известностью легенде о статуе Богоматери и множеством разнообразных заведений служащих к выманиванию у моряков жалования. Ходили слухи, что наш капитан не брезговал в молодые годы посещать эти места в сопровождении одного из матросов по имени Бакстон. Это был довольно необычный человек. Он происходил из почтенной семьи, и во флот был зачислен, как и мы мичманом,

но впоследствии разжалован за жестокое обращение с подчиненными, приведшее однажды к смерти одного из матросов. Случай этот как-то замяли и Бакстон избежал виселицы. Капитану был он предан чрезвычайно и служил ему телохранителем во всех приключениях, часто далеко не безопасных. Должность эта как нельзя больше подходила Бакстону, так как он обладал бычьей силой, а за свою очень толстую и щетинистую шею был среди матросов прозван кабаном. Этим прозвищем также объяснялась его особенность так увлекаться дракой и разъяряться, что нескольким людям с трудом удавалось его усмирить. Кроме того, Бакстон мог не захворать, съев крысу, издохшую от разбросанной для нее отравы, в щепы разбить дубовую доску или выпить два ведра водки. За эти и подобные добродетели был он любимцем среди наших матросов и пользовался благосклонностью лорда N.

Шлюп уже готовился отвалить от борта, как на нем был поднят флаг и увеличено число матросов, в знак присутствия капитана. Последний появился на палубе в сопровождении Бакстона. Командору приказали было оставаться на корабле и замещать лорда N, который счел необходимым посетить губернатора лично. Леди N стояла тут же и, опираясь на плечо сэра Эдгара, и с выражением насмешливого презрения наблюдала за всеми приготовлениями.

– Эдгар, просите вашего учителя не покидать нас сегодня вслед за прочими музыкантами. Сэр Блейк нынче возглавляет вахту до позднего часа, ваш отец также лишил нас возможности слышать его игру. У меня одна надежда на вас двоих, – проговорила она, отворачиваясь от своего супруга и как будто наскучив дожидаться его отправления.

Не знаю расслышали ли капитан слова леди N, потому что во всех его действиях чувствовалась нетерпеливая торопливость, как это бывает, когда готовый шлюп стоит на воде с поднятыми веслами и сигнальный держит рожок наготове. Во всяком случае, он ничем не обнаружил своего внимания к этому замечанию. Сэр Эдгар передал моему другу приказание леди N, а заодно сообщил, что командор просит его отобедать вместе. Обед прошел очень весело, ибо леди N находилась в превосходном расположении духа и много шутила, особенно над тем обстоятельством, что Беренсдорфу впервые выпало замещать лорда N, тогда как он не раз замещал ее отца, и был во многих отношениях более опытным начальником, ибо лорд N являлся капитаном более по праву собственности на корабль, чем по иной какой-либо причине.

– Будучи командором на флагмане при графе Питерборо, особенно лестно сохранить тот же чин при лорде N. Как Вы полагаете, сэр, достойна ли такая награда победителя Барселоны?

– Фортуна очень проказлива, ваша светлость, и когда она делает свои распоряжения я стараюсь не полагать, но подчиняться. Впрочем, сия грозная властительница, как всякая дама, непоследовательна бывает и часто возносит там, где вчера низвергала и преследовала.

– Не забывайте, сэр, что, будучи в немилости этой дамы, которая, кажется слишком надолго лишила вас своего расположения, у вас остается возможность искать его у статс-секретаря.

– Вы преувеличиваете, если полагаете между нами более тесную связь, недели одинаковое написание имени. Я до сих пор не получил ответ от своего высокого родственника на мое послание, в котором поздравлял его с подписанием шотландской унии. Вероятно, деяние это столь блистательно, что в свете его трудно привлечь внимание к такому скромному светильнику, как взятие Барселоны.

– Справедливое замечание, но только для слабых глаз. А ваши никогда не утратят своей остроты, ни в полдень, ни в потемках.

– Я стараюсь походить в этом на вашего отца.

Для моего друга, однако обед прошел далеко не так непринужденно и приятно, как можно было ожидать, учитывая, что чести откушать за капитанским столом он был удостоен впервые. Будучи уверен, что ему не удастся скрыть свою сердечную тайну во время предстоящего свидания, он не знал на что решиться. Как бы ни была принята эта новость, к прежним столь счастливо (теперь мой друг полагал, что до сего часа был счастлив) протекающим вече-

рам, наполненным музыкой и лестным вниманием леди N, возврата быть не могло. Потерять расположение ее или оскорбить своего капитана казалось ему равно невозможным. Мой друг признался мне, что мысли эти были ему столь тяжелы, что напомнили те минуты, когда стоял он на палубе с ядром в руках, и, если бы не клятва данная тогда, одному Богу известно не прибегнул ли бы он к сему способу избежать свидания.

Я пожал плечами.

– Неужели приказание леди N повергло вашего друга в такое отчаянье? Право, часы ожидания встречи, столь для него желанной, представляются мне более приятными. Скажу откровенно, сударь, что, если после всего что я услышал, вы станете уверять меня, будто друг ваш смог уклониться от встречи с леди N, я не поверю.

– Я и не собирался вас в том уверять. В обыкновенный час он как всегда явился в капитанскую каюту и сел за клавиесин с сэром Эдгаром. Впрочем, в этот вечер игра плохо удавалась им. Оттого ли что сэр Эдгар был особенно не расположен к занятиям, оттого ли что море стало очень беспокойно и корабль начало ощутимо раскачивать и толкать, но только друг мой то и дело брал неверную ноту, так что скоро леди N объявила Эдгару, что он может идти, и дать возможность своему учителю показать обычное свое мастерство.

– Скажите, сэр, – спросил Эдгар, собираясь уходить, – в вашем отечестве как обычно обращаются к сыну, когда хотят его похвалить? Как называла вас ваша матушка?

– Я не имел удовольствия знать своей матушки, ибо она умерла, когда мне не было двух лет от роду.

– А как бы вам хотелось, чтобы она вас звала?

– Я никогда не размышлял над этим вопросом, сэр. Но если вы настаиваете, я признаюсь, что, если бы матушка прозвала меня «капитаном», она доставила бы мне этим большое удовольствие.

– Весьма удачный ответ, – заметил я.

– Сэру Эдгару он тоже понравился, ибо он заметил леди N, что хотел бы иногда слышать, как она обращается к нему таким образом.

– Так к вам со временем все будут обращаться, – отвечала она, прощаясь до утра.

Лишившись общества своего ученика, мой друг тотчас пришел в замешательство. Он не чувствовал в себе способности ни играть, ни заниматься приятной беседой. Особенно потому что леди N, которая обычно изящно поддерживала любое его начинание, теперь нисколько не желала этого делать, задумчиво глядя на любимого своего зверька, то крутившегося у нее на коленях, то перебегающего с руки на спинку кресла, она хранила молчание. Ветер все крепчал, и корабль час от часу кренился и скрипел сильнее. Наконец, один особенно сильный толчок, напугал нервное подвижное животное, оно метнулось на пол и забилося под инструмент. Леди N подняла голову:

– Можете идти, сэр. Придется, видимо, примириться с тем, что море сегодня не расположено музицировать.

– Вы имеете что-то сказать? – добавила она, видя, что гость ее не трогается с места.

«Я поклонился и вышел, – рассказывал мой друг, – ветер свирепствовал уже со всей силою, вершина острова – вулкан Тейде совершенно скрылся из виду за несущимися навстречу валами воды и обрывками низких туч. Сделав несколько шагов, я натолкнулся на Уолтера.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он, притрагиваясь к шляпе, – я тут поджидал капитана, только теперь его лодке ни за что не отойти от берега.

– К дьяволу тебя и твоего капитана! – отвечал я.

Он с удивлением заглянул мне в лицо и посторонился.

Подштюрману приказано было сниматься с якоря и отвести корабль дальше от берега. Это стало первым испытанием для него, ибо он был недавно произведенным из мичманов, и кораблю нашему едва не проломило киль, брошенным на мель якорем. Снова должны мы

были менять паруса и трогаться с места. Массы воздуха сталкиваясь и разрываясь, визжали как тысячи злобных демонов, но не могли заглушить адские голоса дьяволов, поднявших бурю в моей душе. Взрывы волн ежеминутно окатывали нас ледяными ручьями, заставляя бороться за правильность выполнения всякой команды. Море свирепствовало всю ночь, людей не хватало, потому что несколько человек Уорента были взяты капитаном, и их пришлось заменять. Мичман Куракин был сброшен волною за борт, но благодарение Богу, нам удалось его спасти. Когда другой офицер пришел сменить меня, я едва держался на ногах, едва добрался до своей койки. Тут обнаружил я, что не в силах стащить мокрый мундир, даже подкрепить себя глотком воды. Жестокая лихорадка заставила меня слечь и три дня провести в бреду, без сна и пищи. Но молодой организм взял верх над недугом. Постепенно стал я приходить в себя и отличать день от ночи, а фантастические видения от реальности. Доктор, всегда ко мне благоволивший и очень огорченный моим плачевным положением, искренне был рад торжеству своего искусства. День очевидного моего облегчения от болезни он отпраздновал бутылкой превосходного вина, которым и меня угощал весьма щедро, приправляя это укрепляющее средство рассказами обо всем, что происходило на корабле с момента моей болезни.

Море улеглось, и капитан вернулся в тот же день как я слег. Четвертые сутки двигались мы прежним курсом. Между прочим, доктор с веселым видом, сообщил мне, что хотел бы иметь удовольствие поздравить меня не только с выздоровлением, но и с отличием по службе, но не может. Дело обстояло следующим образом. Капитан должен был представить в адмиралтейство список людей, представляемых к наградам и званиям, в котором стояло и мое имя. Однако последнее оказалось вычеркнутым, что, разумеется не могло остаться неизвестным старшим офицерам и леди N. Разговор происходил за обедом, и леди N выразила изумление по поводу того, что болезнь может послужить причиной отказа в подобающей чести достойному офицеру.

– Клянусь, сударыня, – отвечал капитан, – я достаточно уже наслышан о достоинствах и чести этого иностранца, чтобы судить о них здраво.

– Каков бы ни был ваш суд, сэр, – возразила леди N, этому иностранцу вы обязаны тем, что нашли ваше семейство, команду и корабль в том же состоянии, в каком их оставили.

При этих словах я внимательно взглянул в лицо рассказчика, стараясь понять полагает ли доктор, что последствия непогоды могли быть столь разрушительны, или видит в словах леди N намеки на иные опасности, которые могли подстерегать ее супруга. Некоторые офицеры вслед за командором Беленсдорфом поддерживали ходатайство леди N, но без успеха. Доктор принялся было называть имена тех, кто не оказал мне той же любезности.

– Прошу вас, сэр, прекратим этот разговор, – остановил я его, – и так, полагаю, что услышал слишком много. С меня вполне довольно известия, что капитан не доволен моей службой. Если вы откроете мне имена других моих недоброжелателей, я не смогу любить их так искренно, как должно.

– Вы требуете от себя слишком многого, – возразил доктор с неподдельным удивлением глядя на меня.

– Скажите, сэр, – проговорил я, решаясь задать вопрос давно меня беспокоивший и вертевшийся на языке, – не произносил ли я в бреду каких-нибудь слов, которые разумнее было бы не говорить? В случае, если ваш ответ будет утвердительным, я хочу просить вас отнестись к этим словам как должно – то есть как к бреду больного, не имеющего под собой никакой реальной почвы, и поскорее их позабыть.

– Не беспокойтесь, мой мальчик, – отвечал доктор, ласково потрепав меня по плечу, – вы не произнесли ничего лишнего. Кроме того, по-моему глубокому убеждению, вы принадлежите к тому типу людей, которые тайну, если таковая имеется, они не выдают ни под пыткой, ни в бреду.

Одним словом, вы – человек заговора, сударь, – добавил он с лукавой улыбкой.

Скоро мой друг вернулся к обычным своим обязанностям, но не к прежней жизни. Его занятия с сэром Эдгаром прекратились, капитан более не изъявлял желания музицировать с ним и двери его каюты затворились. Он смотрел на моего друга с явным недоброжелательством, и офицеры, еще так недавно расположенные к нему стали гораздо сдержаннее. Впрочем, он не сомневался, что их холодность не была вызвана личной неприязнью, но только данью своему начальнику. Вслед за моим другом удовольствия беседовать с леди N лишились и все прочие наши офицеры, ибо никто из них не был более приглашен к капитанскому обеду, что разумеется вызвало неудовольствие и разные толки. Что касается леди N, то и ее поведение стало иным. Если прежде она оказывала моему другу покровительство, то теперь, казалось сама его искала. Постараюсь привести пример, который сможет вам дать должное понятие, о чем идет речь. Итак, представьте себе, что некая высокая персона имела несчастье очутиться в бедствии и изгнании, в обществе своих недоброжелателей. Представьте также, что один верный человек последовал за этой персоною и должен постоянно принимать вид, будто не знает, кто среди них находится. Он не смеет изъявлять никаких знаков почтения и участия своему патрону дабы не подвергнуть его опасности разоблачения. Сей верный человек ведет себя со своим господином так, как будто он равен ему по чести, как будто он равен по чести всем прочим. Вы, однако, понимаете, что хотя он не станет именовать его подобающим титулом, прислуживать ему, и воздавать почести, все-таки в каких-то мелочах будет сквозить его осведомленность о том, с кем он имеет дело. Тут нельзя выделить ничего определенного, но если наблюдать внимательно, то можно заметить то глубочайшее почтение каким бывают проникнуты самые обыкновенные действия. Итак, сударь, хотя мой друг видел леди N очень редко и только на людях, хотя со времени болезни он не перекинулся с ней ни словом, скоро каждый кто считал нужным наблюдать за ними мог найти сходство с описанной мною картиной, в которой персоною в изгнании был мой друг, а его преданным вассалом – леди N.

– Вы меня чрезвычайно заинтересовали, – проговорил я, – все это необычайно, уверяю вас.

III

Разумеется, недостатка в наблюдателях на корабле не было, и самым зорким из них был наш капитан.

Хотя, друг мой, как вы помните, был от природы нрава тихого и кроткого, хотя он постоянно принуждал себя к неллицемерному уважению по отношению к своему командиру и много раз на дню приводил себе на ум то обстоятельство, что начальник его имеет полное право именовать и быть супругом леди N, скоро он должен был признаться, что питает к капитану не меньшую неприязнь, чем капитан к нему самому.

Как ни грустно мне признать за своим другом такую слабость, правды ради должен я сообщить, что, будучи лишен причитавшегося ему служебного отличия и всякой надежды на общество леди N, он ожесточился против своего командира, и видя, что последний подозревает в нем счастливого соперника, не отказал себе в утешении уверить его в этом. Он позволял себе дерзко улыбаться капитану в глаза, а выполняя распоряжения его, принимал на себя такой надменный вид, что за несколько дней неприязнь капитана превратилась в настоящую ненависть и он стал искать случая отомстить своему обидчику. Мой друг с радостью заметил плоды своих усилий, и каждую минуту ожидал поединка, о котором мечтал очень давно.

О, сколь мало еще он знал своего капитана! Однажды по утру, когда мой друг шел смеяться вахтенного офицера, с ним поравнялся Филипп Блейк и проговорил на ходу «Чтобы ни произошло сегодня не теряйте благоразумия». Мой друг хотел было выяснить, что должны означать эти слова, но Филипп покачал головой, в знак того, что ничего не может сообщить более, и прошел мимо.

Впрочем, долго гадать не пришлось. Сперва один из младших английских офицеров попытался вызвать его на ссору, затем его место занял, бывший прежде главным его гонителем, Куракин, но тоже без успеха, ибо задеть моего друга было очень непросто, по причине его несклонности ко всякого рода ссорам и дракам. Прямо же оскорбить его избегали, чтобы не оставить за собой вину зачинщиков поединка.

В описанные мною дни, несмотря на то, что неблагоприятной погодой наш корабль сильно отнесло к северу, путешествие наше подходило к концу, ибо мы проделали уже более четырех пятых своего пути и приближались к острову Сейбл. Все члены экипажа терпели обыкновенные в таких случаях лишения в самом необходимом. Запасы сколько-нибудь приятной или полезной пищи иссякли совершенно. Не только младшие чины, и наш капеллан, всегда подававший нам пример строжайшего воздержания, но и старшие офицеры и само семейство капитана несколько дней сряду не подкрепляли себя ничем, кроме сухарей с сушеной козлятиной и разведенным ромом водой.

«Взгляните сюда, мичман, – подозвал Беренсдорф моего друга, протягивая ему подзорную трубу, – запомните навсегда эту полоску бледно зеленого цвета впереди. Вы полагаете, конечно, что видите перед собой волны морские, которые изменили обычную свою окраску, благодаря какому-нибудь течению в своих глубинах. Так думали многие и нашли свою смерть в зыбучих песках «пожирателя кораблей». Это истинное название земли, которая лежит перед нами. Сейчас мы ляжем в дрейф, прежде чем вы совершенно убедитесь, что перед вами действительно земля, и прежде чем попадете в опасные водовороты ее окружающие. Слышали вы когда-нибудь об экспедиции Гилборта? Его корабль «Восторг», а он вполне оправдывал свое имя, разбился налетев на эти пески, когда шел круто к ветру».

В это время ко мне подошел один из наших лейтенантов и передал приказ капитана взять Бакстона и двух матросов, чтобы отправиться на Сейбл и постараться настрелять какой-нибудь дичи.

– Остров представляет собой только песчаные дюны, поросшие кустарниками, и на нем никого не найти кроме тюленей да куликов, и то не в такое жаркое время. Хорошо ли вы поняли капитана? – спросил Берендорф, глядя на лейтенанта с неудовольствием, которого причины мой друг не мог понять.

– Это точно приказ капитана, сыр – отвечал лейтенант.

– Тогда я приказываю вам, мичман, взять с собой четвертым вашим спутником Уолтора.

– Простите, сэр, но капитан приказал отправить на остров только троих человек под командой мичмана, – снова возразил лейтенант, – Если обратно шлюпка пойдет нагруженная тюленьими тушками, груз и так станет слишком велик для нее.

Друг мой заметил, как Беренсдорф закусил губы и с досадой отворотился от посланника своего командира.

Шлюпка наша еще не прислонилась к берегу, как я разгадал причину беспокойства Берендорфа и все коварство капитана, – рассказывал мой друг, – ограничивать мой выбор матросов не было заведенным порядком на военном корабле, и обстоятельство это заставило меня призадуматься. Для чего иного капитан навязал мне в спутники Бакстона, как не для каких-то своих целей, не имевших касательства к нашей жалкой охоте?

К тому времени, как я выпрыгнул на прибрежный песок, ответ на этот вопрос был мне ясен со всей очевидностью, которой я ужасался, ибо как вы помните, не отличался храбростью и силами в сравнении со своим грузным противником.

Я назначил час сбора на месте высадки и, с особой тщательностью зарядив ружье, ринулся через заросли шиповника, росшего повсюду в изобилии, и в иное время привлечшего бы мои взоры своим очарованием, прочь от своего страшного спутника. Ни о каком выслеживании дичи я не помышлял. Сам чувствуя себя таковой, я заботился только о том, чтобы не быть застигнутым врасплох и сбить со следа Бакстона. Долгое время мне это удавалось, и я уже стал надеяться, что избежал западни и подбираться к месту сбора, когда столкнулся с тем, кого так опасался. От моего внимания не укрылось, что преследователь мой едва переводил дыхание после беготни по песку, которую пришлось ему выдержать в течении нескольких часов охоты на такую проворную дичь, какой я являлся. Это настолько ободрило меня, что я выдержал его дерзкий взгляд и прямо спросил, чего ему от меня нужно.

– Вашей крови, сэр, – отвечал Бакстон без всяких предисловий.

– Она принадлежит королю, – возразил я, стараясь сохранить холоднокровие.

– Капитану лучше известна воля короля, сэр, – насмешливо отвечал мне Бакстон, – вам больше не уйти от поединка, как бы вы не старались.

– Я не собираюсь уклоняться от него, – воскликнул я, оскорбленный этими словами очень глубоко, – но, капитан, если только он действительно послал вас с этой целью, должен был сам вызвать меня, а не поручать своего дела наемнику!

– Это было бы уже слишком много чести для иностранца, – отвечал Бакстон.

Если он стремился пробудить во мне гнев, то теперь он вполне в том успел.

Зной и жара стояли нестерпимые и небывалые для этих широт. Мы сняли мундиры и вооружились кортиками, так как мичманы, еще не носили шпаги, а Бакстон, разумеется также ее никогда не имел. Сначала мне удавалось увертываться и отбиваться, держа Бакстона на расстоянии, не позволяющем обрушиться на меня всею тяжестью. Но как я не старался, я не мог противостоять своему опытному противнику и очень скоро оказался загнанным в заросли густых кустарников, в которых не оставалось никакой возможности для бросков в стороны. В отчаянье предпринял я дерзкий выпад, пытаюсь пробить себе путь к отступлению, но так неудачно, что мой клинок оказался выбит из рук и отброшен в сторону. Противник мой несколько этим не удовольствовавшись, ринулся на меня как вепрь. Я уже не помышлял о спасении и старался только не выдать своего страха перед безжалостным убийцей, когда тот споткнулся, пытаюсь преодолеть сопротивление колючих веток, в которых мы очутились. Я

тотчас воспользовался мигом его замешательства и бросился к тому месту, где мы сложили наши ружья. Прямо за спиной я слышал тяжелое дыхание Бакстона, но на бегу я был гораздо легче и полгал себя уже вне опасности, когда свист рассекаемого лезвием воздуха заставил меня прыгнуть в сторону. Увы, я оказался недостаточно проворен, и клинок полоснул меня по ноге, глубоко разрезав от колена до щиколотки. В следующую минуту Бакстон уже стоял передо мной и готовился атаковать при помощи увесистого своего кулака.

– Теперь вижу, что вы точно мужик, и недаром лишены надежды войти в лучшее общество, – сказал я, стараясь продвигаться к ружьям и морщась от боли.

Бакстон глядел на меня налитыми кровью глазами, едва ли смысл моих слов доходил до его рассудка. Тем не менее я продолжал свою речь, как человек пытающийся заговорить рычащую злую собаку.

– Но ведь я не мужик, Бакстон, и по-мужицки драться не намерен. Кроме того, хотя я уступил вашему желанию и согласился на поединок, уверен, что за это нарушение дисциплины и мне и вам грозит суд, если только дело выплывет наружу.

В этот момент я заметил вдали фигуры двух моих солдат, тащивших тушки навязанных на длинную жердь зверьков, напоминающих наших сусликов.

– Оглянитесь, Бакстон, – воскликнул я, надеясь, что вид свидетелей вернет ему благоразумие. Но мой противник принял мои слова за хитрость, к которой нередко прибегают в драке, и в ту же минуту направил мне в лицо удар такой силы, что, если бы я не успел подставить руку, размозжил бы мне голову. Я услышал треск ломавшихся костей и все потемнело у меня перед глазами. Вторым ударом Бакстон сшиб меня с ног, и третьим, наверное, прикончил бы, если б его не оттащили.

Я плохо помню, как добрался до шлюпки, как на полпути к «Эдгару» мы встретились со второю лодкой, посланной нам на встречу, как Филипп Блейк то поддерживал ускользящее мое сознание разговором, то принимался бранить людей, сделавших мне неудачно перевязку, которая вся почернела от крови и торопил гребцов. Первым кого я увидел, совершенно очнувшись, был доктор.

– Нет у меня пациента более покладистого, – заметил он, отводя от моего лица флакон с нюхательной солью, – Обычно мне приходится иметь дело с дьявольской бранью, скрежетом зубов, нечеловеческими воплями. А вы, сэр, подобно даме, лишились чувств, как только я принялся вправлять кость, и ничем меня не обеспокоили. Я не раз пользовал раны подобные вашей, но никогда мне не удавалось выполнить свое дело с таким успехом. Вас и держать не потребовалось. К зиме рука будет здоровая.

С этими словами доктор хотел было по обыкновению потрепать меня по плечу, но передумал, возможно, опасаясь побеспокоить мою рану.

– Теперь я вас оставляю, потому что мое внимание требуется больному куда более важному, – прибавил он и отвечая на мой вопросительный взгляд пояснил, – капитан занемог, если б я не спустил ему вовремя кровь, мог бы приключиться удар. У всех силы на исходе, сэр, к тому же климат здесь мерзкий.

На другой день происходил суд, и вся команда была выстроена для наблюдения за экзекуцией. Капитан, поддерживаемый с одной стороны доктором, с другой – Берендорфом, исполнял роль судьи несмотря на свое нездоровье. Сначала привели к присяге Бакстона, потом солдат-свидетелей, но на меня никто не обращал внимания и ни о чем не расспрашивал. После того, как зачитали положение о поединках, учиненных на военном судне и объявили о имевшем уже место смертоубийстве от руки Бакстона, ему был вынесен приговор «повешение». Наш профос, исполнявший обязанности дворника и палача, накинул Бакстону веревку на шею, а капеллан дал последнее напутствие. Капитан мрачно наблюдал за всеми этими приготовлениями, готовясь подать знак к казни своего любимца.

Зрелище это стало первой виденной мною картиной насилия, виной которого был я, а жертвой – Бакстон, как мне было хорошо известно не питавший ко мне никакой личной вражды, но только исполнявший приказ своего командира. Последний взгляд свой, перед тем как на голову ему одели мешок, несчастный устремил на меня. Я не смог снести этого знака упрека и отчаянья и выйдя вперед, просил позволения обратиться к капитану, сам еще хорошенько не понимая, что я ему скажу.

– Ваша честь, – заговорил я, как скоро профос получил знак остановиться, и капитан обратил ко мне вопросительный взгляд, – я не решался высказаться во время суда, но теперь совесть взяла наконец верх над малодушием, и я обязан объявить, что всегда ненавидел Бакстона и презирал его, как мнящего быть мне равным по чину, в то время как он давно разжалован в простые матросы. Нередко я старался вывести его из себя, но удалось мне это только при высадке на Сейбл.

– Это что еще? – с недоумением проговорил капитан, поворачиваясь к своей супруге, которая вместе с сыном присутствовала при происходящем событии, полагая зрелище казни не менее полезным для сэра Эдгара, чем музыкальные его занятия. Леди N ничего не отвечала и казалась изумленною не менее самого капитана. Судья вновь обратил свой взгляд ко мне.

– Почему у вас сломана рука, мичман?

– Ваша честь, Бакстон ударил по ней, стремясь избежать пули, ибо в руке у меня был пистолет.

– Вы разве левша?

– Правой рукой я сжимал кортик, ваша честь.

– Двое ваших солдат не нашли пистолета на месте поединка. Что вы скажете на это?

– Не знаю, что ответить, ваша честь. Я лишился чувств и не помню, что было дальше, вероятно пистолет был втоптан в песок.

– Вы готовы повторить это под присягой?

– Да, ваша честь.

Капитан переглянулся с Берендорфом и приказал профосу заменить повешение двадцатью палочными ударами. Обратившись ко мне, он добавил:

– Вы мичман, наказаны достаточно. Можете быть свободны.

– Хитрый тихоня украл у меня Бакстона, – услышал я, отходя от судьи.

– Опомнитесь, сэр, он украл его не у вас, а у веревки, – отвечала леди N.

Вечером того же дня, закончив записи в судовом журнале, что составляло одну из моих обязанностей, занялся я составлением письма к леди N – занятием для меня не менее регулярном, чем заполнение таблиц о скорости ветра и смене галсов. Я никогда не помышлял о том, чтобы доставить свои послания адресату, предоставляя их участь пламени свечи сразу после того, как заканчивал последнюю фразу, и стремился только к тому, чтобы дать выход переполнявшим меня чувствам.

«Ваша светлость..», – писал я, стараясь тонкими росчерками придать литерам максимальную их привлекательность.

Дверь отворилась, и хлопнув журнал, я вскочил, приветствуя сэра Эдгара.

– Сэр, – проговорил он, – леди N прислала меня спросить вас, человек ли вы, и может ли сэр Берендорф ожидать вас к ужину?

– Передайте леди N утвердительный ответ на оба эти вопроса, – отвечал я и хотел было прибавить, что я, к несчастью, более человек, чем это может показаться, но удержался.

Некоторое время после ухода моего гостя я шагал взад и вперед по каюте между висячими койками, стараясь унять волнение, вызванное его необыкновенным сообщением. Я не мог придумать ему объяснение, кроме того, что капитан, тронутый моим участием к судьбе своего любимца и уверившись в моей скромности, решил сменить гнев на милость, и вернуть мне, если не благосклонность, которой я никогда не имел, то хотя бы возможность появляться

в обществе офицеров и его семейства. Мои размышления вновь были прерваны дверным скрипом, и внушительная фигура Бакстона загородила, льющийся сверху свет.

– С вашего позволения, сэр, – проговорил он, теребя в руках шляпу, – Мне больше по душе стоять тут перед вами, чем болтаться на рее. Не обратись вы к капитану, мне ее было не миновать.

– Пустяки, – отвечал я, – и вы на моем месте, так же бы сделали.

Услыхав такое предположение, Бакстон позволил себе усмехнуться.

– Теперь я ваш должник, сэр, – продолжил он, понизив голос, – если кто-нибудь станет вам докучать, обратитесь ко мне и вы забудете свои неприятности.

– Бакстон, вы меня удивляете, – возразил я, – вас вешали уже два раза, неужели вы предполагаете, что провидение всегда станет вынимать вас из петли?

– Еще, сэр, я хотел замолвить словечко за капитана. Он не хотел вашей смерти, сэр, он только велел вас немного попугать, чтобы вы не очень задавались. Не его вина, что у меня расходилась рука.

– Я никогда не сомневался в расположении его светлости, – заметил я, – но что означают ваши слова «замолвить словечко»? Полагаю, капитан не нуждается в моем извинении.

– Он очень болен, сэр, и возможно скоро будет нуждаться в отпущении грехов.

– Мне этого не показалось. Впрочем, сожалею о его болезни.

– А мне показалось, сэр, – отвечал Бакстон и вышел, нахлобучив шляпу.

Он оказался прав. Капитану становилось все хуже, и он не показывался уже перед командой, отдав корабль Берендорфу. Командор занял ту часть капитанской каюты, которая служила гостиной и всякий день присылал звать офицеров, в том числе и меня, на обеды и ужины, которые хотя состояли преимущественно из сухарей и сушеных фруктов с редким добавлением рыбы или кулика, никогда не происходили с такой любезной простотой и весельем.

То обстоятельство, что одна рука моя была на перевязи, не позволяло мне вернуться к обычным моим занятиям, и Берендорф приказал мне использовать свободные часы для заполнения тех пробелов в моих познаниях, которые могли бы воспрепятствовать мне замещать его, в случае необходимости.

– Рано или поздно, сэр, вы займете мое место, – сказал он, – и, поскольку, я полагаю, что это произойдет рано, давайте не будем терять время.

Мало того, что таким образом оказался я на положении лейтенантов, последние выказывали мне всевозможные знаки внимания и были не только любезны, но даже искательны.

– Когда станете командовать флагманом, не позабудьте обо мне, которого знали с первых своих шагов на службе, – заявил Куракин, впервые увидав на голове моей шляпу с плюмажем.

Я ничего не хотел отвечать, отлично помня несчастное время моих «первых шагов», которые едва не привели меня за борт, главным образом благодаря усилиям Куракина. Но он не отставал так долго, стараясь получить какое-либо подтверждение основательности своих претензий, что я объявил ему напрямик о том, что, если когда-либо буду иметь корабль под своею командой, он будет последним человеком о ком я вспомню. Я очень видел, что такой ответ был весьма не по вкусу просителю. Грубый нрав его, разумеется, подсказал ему тысячи всевозможных способов излить свой гнев, однако он не смел более его обнаруживать, и удовольствовался мрачным молчанием. Разумеется, общество леди N придавало главное очарование этим дням. Она ни разу не повторила своего опасного опыта и не оставалась со мной с глазу на глаз ни на минуту, хотя теперь это было бы очень легко устроить. Я угадывал причину такой осторожности и был вполне счастлив. Сэр Эдгар перестал быть принуждаем к музыкальным упражнениям, так как клавесин теперь был совершенно в моем распоряжении, и никакого повода для игры на нем мне не требовалось. К несчастью, я не мог вполне воспользоваться этим обстоятельством, так как сделал бы в другое время, хотя Филипп Блейк любезно заверял меня, что одной рукой я играю лучше, чем он обеими. Что касается сэра Эдгара, то перестав видеть во

мне учителя, он очень скоро умерил свою холодность и часто развлекался со мной стрельбою по чайкам, которые появились над мачтами наших кораблей, указывая на приближение земли.

По вымпелам и сигналам, подаваемым с транспорта мы знали, что на нем свирепствует мор и люди терпят бедствия крайних лишений. Ежедневно мешки с новыми жертвами сих несчастий сбрасывались в море. Впрочем, в то время считалось обычным делом доставить живого груза на треть менее, чем было загружено в трюмы, и учитывая, что путешествие наше подходило к концу, этот убыток никого не беспокоил.

Однако, скоро начал я замечать, что леди N снедают какие-то неизвестные мне опасения. Я не долго колебался над вопросом, к чему их отнести, заметив, что причиной им служат секретные сообщения доктора, несомненно относящиеся к капитану. Это открытие уязвило меня более, чем можно было ожидать, так как по свойственной природе человеческой особенности, я уже привык к лестному убеждению своей значимости для леди N, и мне было крайне оскорбительно делить ее сердце с кем бы то ни было.

На другой день, как я сделал это печальное открытие, Берендорф приказал ботлеру, отвечавшему за все снаряжение «Эдгара» удвоить караулы, а людям доктора заложить и забаррикадировать проход в интрюм, где помещались раненые, больные и все медицинские припасы.

– С сегодняшнего дня и до входа в бухту, не спите без оружия, – приказал он мне, – в команде готовится бунт. Чернь есть чернь, сэр, и если она останется голодной, три дня сряду, то она превращается в диких зверей. Я допускаю мысль, что нам придется на них поохотиться.

Снедаемый беспокойством за леди N, я отправился к ней, не в силах противостоять желанию собственными глазами убедиться в том, что с ней еще не случилось ничего худого.

Я нашел ее на шканцах, печально наблюдающей за полетом морских птиц. Заслышав мои шаги, он вздрогнула и обернулась.

– Это вы, сэр! Почему вы здесь? – вопрос ее был как нельзя уместен, ибо на шканцах кроме капитана и дежурного офицера никому нельзя было появляться. Выражение ее лица и звук голоса, так разнились с всегдашней присущей им уверенной манерой, что я не смог совладать со своей тревогой и воскликнул:

– Простите, ваша светлость, что являюсь без приказания, но очень нелегко оставаться слепым, имея здоровые глаза. Что означает ваш убитый вид? Чем я заслужил ваше недоверие, отчего вы не желаете открыть причину вашей тревоги? Вы так часто говорили о моих достоинствах, заслуживающих награды, что, может быть в качестве таковой сочтете возможным назвать мне обстоятельства или имя, способные причинить вам зло.

– Вы правы, сэр, – с грустью отвечала леди N, – напоминая мне, как мало вы были отмечены, несмотря на безупречность вашей службы. Но то, о чем вы просите никак не может принести вам пользы, и являться наградой. Я, в свою очередь, прошу вашего доверия и желаю, чтобы вы не задавали вопросов. Удовольствуйтесь тем, что я подтверждаю обоснованность ваших подозрений, но опровергаю ваше преувеличенное представление об опасности. Будьте уверены, я располагаю возможностью избавиться от нее.

По мере того, как леди N произносила эти слова, она заметно успокаивалась и в конце настолько овладела собой, что прибавила с обычной своей небрежной насмешливостью:

– Вы так часто говорили о своей преданности, сэр, что вероятно не сочтете за дерзость, если я, в качестве подтверждения таковой, потребую от вас никогда не пытаться разузнать обстоятельства, которые мне угодно было от вас скрыть.

– Не огорчайтесь, прошу вас, – добавила она, тотчас заметив по моему лицу впечатление, которое произвел ее отказ, – неужели вы желаете отнять у меня мое единственное утешение? Неужели мое желание уберечь вас от несчастья, желание, чтобы вы навсегда остались соединением всего лучшего, что только может Бог вложить в человеческую душу, чтобы вы остались тем же, каким я увидела вас впервые, неужели, спрашиваю я вас, это мое желание недостаточно достойно, чтобы я могла позволить себе ему следовать? Молчите, сэр, – воскликнула он,

заметив, что ее неосторожные слова, придали мне смелости и я намерен вновь заговорить, – уходите и пришлите сюда Берендорфа.

Я повиновался и весь этот день мысленно переходил от убеждения, что причиной тревоги леди N являются обстоятельства, связанные со здоровьем капитана, к подозрению существования иной причины, способной заставить ее страдать.

Мысль о том, что известие о беспорядках в команде может поколебать энергию и самообладание леди N, не приходила мне в голову, как не могла зародиться ни у кого, имевшем честь достаточно знать ее характер. Вечером того же дня Берендорф приказал мне перебираться к нему в каюту.

– Раз вы стали моим старшим помощником вам нечего делать с младшими чинами, – сказал он.

– Не вызовет ли это недовольство среди них, сэр? – спросил я, – ведь хотя я действительно выполняю обязанности, или если говорить правду, учусь выполнять обязанности вашего помощника, я все-таки не лейтенант, а мичман.

– Ваше назначение – это дело решенное. Когда вы снова ступите на английскую землю, вы будете лейтенантом и командором уже не только для членов команды, но и для адмиралтейства и его величества. А пока вот вам шпага, лейтенант. Возможно, она потребуется вам скорее, чем вы предполагаете.

Опасения мои относительно того, как будет принято приказание командора подтвердились.

– Проклятый фаворит! – крикнул Куракин, видя, что я укладываю и выношу свой сундук из общей нашей каюты, – вы один хотите спастись, когда всех нас перережут английские крысы. Черт дернул меня ступить на борт этого корабля, чтоб он сгорел!

С этими бессвязными словами он бросился на свою койку и зарыдал, как ребенок. Все бывшие в каюте столпились вокруг него, пораженные плачевной картиной малодушия и отчаянья.

В то же время прозвучал сигнал в вечерней молитве и положил конец этой сцене, оставившей на моей душе тяжелый след. Слезы всегда дерзкого и беспечного Куракина не выходили у меня из головы. Долго ворочался я на своей койке и наконец решился просить Берендорфа позволить мне пригласить к нам бывшего моего обидчика.

– Спите и не беспокойте меня по пустякам, – откликнулся недовольно тот и закрыл глаза.

Я постарался исполнить приказание своего командора, но удалось мне это не вдруг. Мне казалось, что я спал не более двух часов, как звук выстрелов заставил меня вскочить и припомнить все тревожные обстоятельства последних дней. Я был один в каюте, койка командора была пуста. Бросившись вон, я обнаружил, что заперт. Тщетно пытался я, действуя здоровой рукой, с помощью кортика открыть замок.

В то же время на корабле воцарилась тишина настолько глубокая, что я мог бы счесть шум борьбы за пригрезившееся мне сновидение. Как только замок уступил моим усилиям в дверях возник силуэт Берендорфа.

– Почему не спите? – спросил он как ни в чем не бывало, – Зачем сломали замок? Разве я приказывал вам встать?

– Так значит это вы заперли меня, сэр?

– Было слишком жаль будить вас. Когда я взглянул на ваше лицо, оно мне напомнило ангела, изображенного на картинке из библии моей покойной матушки.

– Мне вовсе не до шуток, сэр, – воскликнул я, очень задетый его ответом, – И я не могу не сожалеть о том, что вместо воспоминания о Библии вашей матушки, вам не пришло на память то обстоятельство, что офицеру его величества нельзя оставаться в стороне во время того, как в команде происходит возмущение. Но, видимо, вы не считаете меня надежным сторонником, раз рассудили оставить запертым.

– Напротив, я не только почитаю вас надежным сторонником, но и очень храбрым офицером, которого не хочу лишиться. Чем меньше народу замешено в таких стычках, тем лучше. В них нет ничего почетного, иначе я послал бы вас вперед прочих.

Утром, после молитвы, капеллан совершил печальный обряд и мешки с телами девяти человек, в том числе Уолтора и Куракина, погрузились под воду.

Еще около десятка матросов, в том числе часть нашей абордажной команды со своим офицером, шкипер и плотник оказались арестованными и запертыми в трюме.

Я был изумлен, увидев доктора с перевязанною головой, ибо по роду занятий своих ему под страхом суда воспрещалось всякое участие в боевых действиях.

– Случайность, сэр, – отвечал он на мой вопрос.

Радость леди N как скоро она убедилась, что со мной не приключилось ничего худого, была столь глубока, выражалась такими хвалами милосердию Провидения, что я не выдержал, и как не досадно мне было признаться в этом, сообщил о том, что я принимал участие в схватке не с заговорщиками, но только с дверным замком.

– Сэр, – воскликнула леди N, обращаясь к командору, – вы необыкновенный человек, вы исполняете не только те поручения, о которых я говорю, но даже такие, какие я не решалась высказать в своих мыслях.

Берендорф поклонился.

В это время крик марсового, увидавшего шедший за нами корабль, привлек всеобщее внимание и собрал на корме.

Через час всевозможные сомнения совершенно рассеялись и Берендорф объявил о преследовании нас галеоном, а по прошествии еще двух смог разглядеть на бушприте фигуру известного тогда испанского капера дона Лекардо, с которым имел уже случай свести знакомство, столь памятное, что теперь с особой ясностью предвидел все последствия его возобновления.

– Фортуна решила посмеяться над нами перед самым входом в бухту, – сказал он, обращаясь к своим лейтенантам, – если б мы принадлежали к головорезам дона Лекардо; чего да не будет, мы растянули бы паруса на ветер, и может статься, ушли бы, но долг наш велит не допускать неприятеля к грузу.

– Итак, сержант, сперва сделайте несколько пушечных сигналов бедствия. Мы уже находимся так близко к земле, что очень может статься найдем спасителей на английских судах, встретить которые здесь не редкость. А затем, – обратился он к старшему офицеру от канонир, – готовьтесь встречать нашего старого приятеля. Он очень недурной дворянин, ваша светлость, – добавил он, отвечая на немой вопрос леди N, – но команда его состоит большей частью из негодяев разного толка, стремящихся службою испанской короне избежать виселицы. Дон Лекардо, человек исключительных способностей, ибо умеет удерживать таких людей в повиновении, стараясь оставаться при этом в границах правил чести. Не стану обманывать вас, ваша светлость, и, пожалуй, не смог бы этого сделать, льстя вам напрасной надеждой. Если мы даже выпустим и вооружим наших бунтовщиков, шансы наши очень невелики. Если же мы воздержимся от участия их в схватке, таких шансов не останется вовсе. Поскольку дело касается лорда N, решать вам, ваша светлость.

Леди N слушала Берендорфа, глубоко погружившись в свои мысли и сложа руки, как делают католики во время молитвы. Она ответила не скоро.

– Поступайте, как велит вам долг, сэр. Если вы полагаете, что необходимо вооружить заговорщиков, даже если это нужно только для спокойствия совести вашей, я не могу и не желаю этому противиться.

– Лейтенант, – приказал Берендорф одному из младших своих помощников, – скажите доктору, чтобы он доложил лорду N обо всем, чему вы стали свидетелем и просил его участия в этом деле.

– Сэр, – воскликнула леди N, – прежде чем расстаться быть может навсегда, забудьте свое оскорбление.

Говоря это, она протянула Берендорфу письмо, запечатанное, как я успел заметить собственною его печатью. Командор хотел было бросить его за борт, но леди N не позволила этого сделать, и сломав печать показала ему чистый лист без единой надписи.

– Мне было бы больно думать, что вы навсегда останетесь при дурном обо мне мнении, – заметила она, – я позволяла себе угрожать, это правда, но никогда не намеревалась причинить никакого иного вреда.

– Вы действительно сняли немалую тяжесть с моего сердца, которое привыкло заключать в себе нежность и доверие, какие только может питать отец к дочери, и которому нелегко было примириться с мыслью, о том, что она способна ввергнуть его в пучину горя. Но, знайте, что ни при каких обстоятельствах я не был бы о вас дурного мнения.

Не стану утомлять вас подробностями боя, до которых, сударь, вы не охотник. Скажу кратко, что из почти сотни человек нашей команды уцелело не более двадцати, что друг мой Филипп был заколот шпагой, что Берендорф получил опасное ранение в голову, что Бакстон пал под градом пуль, закрывая моего друга, которого уберег своей смертью от гибели, что корабль наш был взят на абордаж и лорд N вручил дону Лекардо свою шпагу.

Нас построили в ряд, связали и представили победителю в качестве трофеев. Дон Лекардо очень любезно приветствовал лорда N, извинился перед его семейством за причиненное беспокойство, прося их снисходительности к тому обстоятельству, что он внезапно очутился в гостях на ««Эдгаре», хотя и не имел чести быть приглашенным.

Галеон его шел в испанские колонии, куда и нам вместе с грузом предлагалось следовать. Но Фортуне вновь было угодно пощадить нас. Той же ночью испанец был атакован двумя английскими кораблями, конвоировавшими груз, вышедший из Нью-Йорка и направлявшийся в старый свет. Скоро нападающие добрались до нас и мы, вновь взявшись за оружие, получили обратно свой «Эдгар». Впрочем, последний переходя их рук в руки, получил настолько серьезные повреждения, что лорд N счел более выгодным поджечь свою собственность, чем отводить ее на верфи, и приказав всем перебраться на наш транспорт, просил его капитана лечь в дрейф и искать любезности у командора английского конвоя, чтобы воспользоваться возможностью получить все необходимые для оставшегося нам перехода, припаса.

Мой друг не находил себе места. «Не имея обычных своих средств, чтобы отвлечься от снедавшего меня беспокойства, – рассказывал он мрачно бродил я без дела на палубе от бака до кормы. Поравнявшись с фигурой лорда N, который также будучи более пассажиром, чем командором на корабле имел много свободы и использовал ее для того чтобы предаваться горестному созерцанию горящего «Эдгара», я отдал ему честь и намеревался идти далее, как был им окликнут.

– Мичман, вам письмо от леди N, – проговорил капитан, протягивая мне запечатанный и сложенный вдвое лист бумаги.

Вероятно, впечатление от этого необыкновенного сообщения, так ярко отразилось на моем лице, что он добавил:

– Кажется, вы не привыкли получать подобные послания через своего начальника?

– Я не привык их получать не только от вашей светлости, но я вообще никогда не имел чести состоять в переписке с леди N, – отвечал я, призвав на помощь все свое холоднокровие и очень оскорбленный тем явным удовольствием, какое выказал капитан при виде моего замешательства.

– Я не скрываю, что очень удивлен, как и всякий другой на моем месте удивился бы, получая распоряжения ее светлости через ее супруга, как будто он исполняет обязанность востого.

– Вы удивитесь еще сильнее, когда узнаете в чем состоит это распоряжение, – отвечал капитан с усмешкой, – читайте теперь же.

Как ни мало того я желал, вынужденный подчиниться, я сломал печать.

«Капитан, – писала леди N, – Ваша дерзость утомила меня, Ваша самонадеянность мне опротивела, Ваша излишняя уверенность в своем влиянии на меня погубила то положение, которого вы достигли не без моей помощи. Примите великодушные предложения, которые передаст вам посланник этой записки и будьте уверены, что всякая попытка войти в переговоры со мной или с любым другим лицом может стоить вам жизни.»

Я перечитывал эти жестокие строки, не понимая, как они могли выйти из-под пера леди N, чем мог я вызвать столь сильный гнев, и почему леди Низбрала такой грубый способ известить меня о ее немилости.

Обращение «капитан», тотчас отослало мои мысли к описанному мною вечеру, когда я признался какое имя из данных мне нежностью матери, было бы самым приятным для моего слуха. Но я не мог поверить, чтобы леди N обратилась ко мне с такой фамильярностью, кроме того подобное начало письма очень плохо согласовывалось с его дальнейшим содержанием.

Капитан хранил молчание и следил за выражением моего лица.

– Вы, я вижу, очень углубились в чтение. Я вас не тороплю. Можете совсем оставить письмо у себя.

– Вероятно, произошла ошибка, ваша светлость, – отвечал я, протягивая ему письмо, – это писано не ко мне. И, если вы позволите мне высказать свое предположение, то я укажу вам человека кому было предназначено это письмо. Ваша светлость, этот человек – вы. Более того, я попытаюсь назвать посланника, передавшего вам письмо. Очень вероятно им был Берендорф, очень вероятно, что «великодушные предложения», которые он обсуждал с вашей светлостью состояли в необходимости позаботиться о вашем здоровье под опекой нашего доктора и его людей. Если позволите, я зайду в своих умозаключениях еще дальше, и добавлю, что полное исцеление, несмотря на всю заботу, проявленную к вам в пути, ваша светлость могла обрести только в форте Джеймс, при посредстве его коменданта, дяди ее светлости.

– Вы не так глупы, как я полагал прежде, но мое мнение о ваших способностях стало бы выше, если бы вы сумели не обнаружить своих мыслей. Что бы случилось с вами, если бы Бакстон не осведомлял меня о вашей непричастности к бунту?

– Ваша светлость, я был к нему непричастен только по причине моего неведения, или ежели такое объяснение вам приятнее будет, по причине недостатка тех способностей, о которых вы упомянули.

– Зачем вы это говорите?

– Говорить правду – моя несчастная слабость.

– Иногда вы очень счастливо избавляетесь от этой вашей слабости, как было в деле с Бакстоном.

Я промолчал. Мысль о том, что лорд N желает узнать все мои душевные свойства, в то же время презирая их, мотивы всех моих поступков – не доверяя их благонамеренности, делало эту беседу для меня отвратительной.

– Вы не так просты, как хотите показать. Но раз вы желаете играть роль человека чести, каковых, говоря прямо, Природе угодно было произвести только при помощи пера стихотворцев, а не в виде натуры, я тоже открою вам кое-что. Я собирался приготовить вам сюрпризу, но вы так увлекли меня вашей игрою, что не стану ждать утра и готов сообщить уже теперь – завтра в то время, как мы будем следовать прежним курсам, леди N отправиться вместе с встреченным нами конвоем в Ливерпуль.

Капитан выдержал паузу, стараясь заметить эффект, произведенный этим известием. Видимо он счел свои наблюдения неудовлетворительными, потому что добавил с улыбкой, выражение которой я не смогу передать:

– Леди N не увидит больше ни сэра Эдгара, ни вас, ни Берендорфа. Она должна будет узнать об этом перед самым отправлением и проститься с сыном здесь, на этой палубе.

Как ни старался я быть достойным противником своему собеседнику, я чувствовал, что силы мои на исходе и вынужден был обнаружить это печальное обстоятельство вопросом, не имеет ли его светлость ко мне каких-нибудь приказаний.

– Вам торопиться закончить наш разговор? Можете отдыхать. Какие приказания могут быть на чужом корабле? Подождите до следующей весны. Тогда мы покинем форт с новым конвоем, на новом корабле и с новой командой, но капитан и мичман останутся прежними и частенько будут вспоминать свое первое совместное плавание. Ведь вы не откажитесь иногда поболтать со своим капитаном?

– Вероятно, не откажусь, ваша светлость.

– Что значит «вероятно»?

– Только то, что строить далекие планы дело неблагодарное, иногда они не желают сбываться.

Лорд N внимательно посмотрел на меня, как бы желая понять имею я в виду произошедшие события, или намекая на будущие, и отпустил, ничего больше не сказав.

Я спустился в интрюм, зловонный и весь заваленный телами больных и умирающих, чтобы, как часто я это делал, опуститься на пол рядом с Берендорфом и взять его пылающую руку в свои. Против обыкновения командор узнал меня и слабо пожал мои пальцы.

– Благодарение Богу, вам лучше, сэр, – воскликнул я.

– Ненадолго, – отвечал командор и попросил воды.

Исполнив его желание, я опять занял свое место и спросил не могу ли я еще что-нибудь сделать для своего капитана.

– Уже ничего, – проговорил Берендорф, – но я могу еще кое-что сделать для вас! Я расскажу вам о некоторых обстоятельствах, которые могут казаться вам темными. Но времени и сил у меня не много. Перед тем как вы пришли я видел адмирала. Он умер от такой же раны, что и моя. Что должно означать совпадение я не могу придумать, но точно знаю, что буду скоро вместе с моим капитаном. Вы, конечно, заметили, что перед тем, как нас настиг испанец, леди N отдала мне письмо. Вы так пристально смотрели на него, что наверняка разглядели мою печать и хотели бы узнать, что это за послание и почему я было бросил его за борт.

– Я не так уж любопытен, сэр, – отвечал я не совсем искренне.

– Помните, как сильно вы были больны, когда «Эдгар» отошел от Тенерифе? Вскоре после того, я сидел в своей каюте и писал письмо супруге, когда ко мне вошла леди N. Прежде чем я успел встать, чтобы приветствовать ее, она, подойдя к креслу опустилась на колени и положила свою руку сверху моей, совершенно так же, как нередко становилась перед отцом.

– Я пришла к вам как просительница, сэр, – проговорила она, – помня, что вы всегда были мне добрым покровителем. Нет, я буду говорить с вами так, как говорила бы с моим родным отцом – вашим другом, – добавила она тоном, не допускающим противоречия, когда я хотел усадить ее в кресло, напротив.

– Хорошо, раз вам этого хочется, дорогая Элизабет, – отвечал я, – скажите мне, каким образом я могу услужить вам, потому что с тех пор как вы стали супругой лорда N, скорее я сам нуждаюсь в вашем покровительстве, и теряюсь в догадках, как могу оказать вам какое-нибудь благо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.